

Лю Сяньань всё ещё носил искусственную маску. Приспущенные уголки глаз в сочетании с застывшим невинным выражением лица заставили Лян Шу на мгновение почувствовать, как у него по коже пробежали мурашки. Не выдержав, он шагнул вперёд, нащупал край маски за ухом и сорвал её — только тогда его взгляду открылось куда более приятное зрелище.

Ду Цзин уже был мёртв, раскусив ядовитую капсулу, спрятанную у него во рту — мёртв настолько, что и девяти быков не хватило бы, чтобы вернуть его к жизни. Лян Шу пнул его тело, перевернув на спину, и, взглянув на искажённое гримасой лицо с выпученными глазами, поморщился:

— Ты называешь это "как живой"?

Лю Сяньань потрогал щёку, с которой только что содрали маску, и возразил:

— Но он и правда казался живым минуту назад.

Теперь же он определённо не выглядел живым. После того как Ду Цзин принял яд, его сосуды и сухожилия начали неестественно сжиматься, будто стянуты тетивой мешок. Конечности скрючились, черты лица исказились, а из семи отверстий струилась чёрная кровь — зрелище было поистине жутким.

— Яд был спрятан в зубе, — добавил Лю Сяньань. — Похоже, он заранее готовился к такому исходу. Как бы ни была осторожна Чэн-гуньян, она не смогла бы это предотвратить.

Лян Шу повидал немало самоубийц, но быстродействующих ядов существовало всего несколько разновидностей. Человек вроде Ду Цзина не просто хотел умереть — он выбрал мучительную и странную смерть... Неизвестно почему, но его остекленевший взгляд словно заключал в себе зловещее проклятие или тёмный ритуал. Не выдержав, Лян Шу снова пнул труп.

— Сможешь определить, что это за яд?

— Попробую, но потребуется время.

К тому же на горе оставалось больше пятидесяти человек, заражённых гу. С ними тоже предстояло разбираться.

— Лучше временно оставить их здесь, — продолжил Лю Сяньань. — Если обеспечить им уход и отправлять вниз по одному, это упростит лечение и не вызовет паники среди горожан.

— Ты лекарь — сам решай, как их лечить, — отозвался Лян Шу. — В Чисячэне осталось всего два врача. Один должен дежурить в больнице, а второй, говорят, не слишком искусен. Гао Линь вернётся не раньше, чем через десять дней. До тех пор все эти люди — твоя и А-Нина забота.

— Хорошо, — кивнул Лю Сяньань. — Я позабочусь о них.

Лян Шу отдал приказ Чэн Суюэ и двум стражникам отнести тело Ду Цзина в пустую комнату и обсыпать его известью.

Простой народ пока не знал, что произошло. Люди лишь слышали, что снаружи кого-то убили, и в страхе заперлись по комнатам. Несколько особо отчаянных собрались вместе и пришли к выводу: "Видно, болезнь неизлечима, и власти решили нас перебить, чтобы избежать проблем!" Захватив кухонные ножи, они собрались прорываться с горы, чтобы стать разбойниками.

И тут же наткнулись на Лю Сяньаня.

Второй молодой господин Лю вздрогнул при виде разъярённой толпы:

— Что вы задумали?

Толпа в ответ остолбенела — появление в глухих горах сияющего, словно бессмертный, юноши заставило их усомниться, не умерли ли они уже. Наконец один осмелился спросить:

— Кто ты такой?

Лю Сяньань, с корзиной лекарств в руках, шагнул вперёд:

— Я врач. Не волнуйтесь — скоро все выздоровеют и спустятся вниз. Ши-дажэнь уже у горных ворот, и скоро прибудет новая партия припасов.

— Правда? — Люди невольно потянулись за ним, забыв о планах стать разбойниками. — Но мы слышали, будто снаружи кого-то убили...

— Это был Ду Цзин, — не стал скрывать Лю Сяньань. — Он не был хорошим человеком. Нынешняя "чума" — дело его рук. Его высочество Сяо-ван уже арестовал его сообщников. После допроса власти дадут официальные разъяснения.

— А-а! — Внезапный вопль одного из мужчин, похожий на крик обезьян в горах, заставил всех вздрогнуть. Лю Сяньань встревожился — не очередной ли это симптом отравления гу?

Но тот, задыхаясь от возбуждения, затараторил:

— Его высочество Сяо-ван?! Тот, что охраняет северо-западные границы? Я тоже служил там несколько лет назад! Когда князь инспектировал войска, он даже взглянул на меня издалека!

Лю Сяньань рассмеялся:

— Да, это он. Оставайтесь помогать на горе после выздоровления — и князь наверняка взглянет на вас ещё раз.

Узнав, что на горе находится князь императорской крови, люди успокоились и поспешно спрятали ножи. Кто-то заметил знакомые черты в одеянии Лю Сяньаня:

— А тот врач по фамилии Ши... это...

— Это был я. Я скрывал лицо.

Толпа пришла в ещё больший восторг — маскировка звучала как нечто из легенд цзянху. Неужто они, сами того не зная, стали частью тайного заговора? Бессмертный лекарь, князь императорской крови, мёртвый злодей — об этом можно будет хвастаться целых три года после возвращения!

Лю Сяньань сначала улыбался их оживлённым разговорам, но вскоре шум стал ему в тягость. Его мысли упорхнули за тысячи ли, ввысь, за пределы мирской пыли. Очнулся он лишь тогда, когда Лян Шу лёгко щёлкнул его по переносице:

— А?

— Я думал, ты витаешь в облаках только сидя, — с усмешкой произнёс Лян Шу.

Оглядевшись, Лю Сяньань обнаружил, что толпа уже разошлась. Лян Шу взял у него корзину с лекарствами и поставил на каменный выступ:

— Устал? Если нет, пойдём осмотрим тело Ду Цзина.

— Хорошо. — Лю Сяньань вприпрыжку догнал его и зашагал рядом. — Князь, а тех последователей Ду Цзина... вы их всех убили?

Лян Шу нахмурился:

— Зачем мне их всех убивать? Пару человек я оставил для допроса.

— Конечно, ты прав, — кивнул Лю Сяньань. — Но после того, как ты обрушил на них песок и камни, выжить было бы трудновато.

Лян Шу не знал, смеяться ему или злиться. Он потянулся, чтобы дёрнуть за ленту в его

волосах, но вспомнил, что Гао Линя нет рядом, и передумал.

Они вошли в помещение, где лежало тело, с странной для такого места беззаботностью. Ду Цзина уже раздели и накрыли белой тканью. Лю Сяньань надел перчатки и маску, жестом велел Лян Шу прикрыть рот и нос, а затем откинул покрывало.

Тело было покрыто вздувшимися венами, некоторые из которых ещё пульсировали. На груди виднелась татуировка.

— Похоже на узор из зелёных питонов, — наклонился Лю Сяньань. — Князь, вы такое видели?

— Видел. Это Байфу-цзун.

— Так он был из Байфу-цзун... Неудивительно, что предпочёл смерть плену. — Лю Сяньань задумался. — Однажды мой старший брат, возвращаясь от друзей, подобрал на дороге умирающего. Из него извлекли не меньше двадцати видов гу, но человек всё равно умер. Говорят, так Байфу-цзун справляется с предателями.

Лян Шу не сводил глаз с татуировки:

— Именно этого и опасается император.

Изначально Байфу-цзун действовал лишь в юго-западных горах, но в последние годы культ разросся, сея смуту в приграничных городах. Они осторожны, как мыши, и при первой же угрозе скрываются в непроходимых лесах, где ядовитые испарения делают карательные походы почти невозможными.

— Чисячэн далеко от юго-запада, но их щупальца дотянулись и сюда, — заметил Лю Сяньань.
— Все культы в истории прикрывались благими намерениями, но на деле разжигали худшее в людях. Байфу-цзун, видимо, хочет выйти за пределы юго-запада.

— После допросов я немедленно доложу императору, — твёрдо сказал Лян Шу.

Лю Сяньань взял скальпель, на мгновение вспомнив анатомические техники из книг, а затем одним точным движением вскрыл тело.

Лян Шу, не ожидавший такой быстроты, дёрнул бровью. Его представление о мирной жизни Лю Сяньаня в Байхэшань снова пошатнулось. Но тот вдруг остановился:

— Здесь много гу. Хотите взглянуть?

Лян Шу: «.....»

Теоретически, содержимое человеческого желудка не было чем-то новым для князя, сражавшегося на войне. Но при ярком свете свечей, освещавших каждую деталь, зрелище выходило сюрреалистичным: прекрасное, как у бессмертного, лицо Лю Сяньаня, его окровавленные руки, держащие неопознанный фрагмент, и при этом — абсолютно невинный взгляд. У Лян Шу заныли виски. Ему вдруг захотелось смыть с него всю кровь и отправить обратно в чистые, окутанные облаками Три тысячи путей.

Лю Сяньань, не обращая внимания на окружающую обстановку, методично извлекал гу и складывал их в белые фарфоровые сосуды. Их было около сотни. На середине процесса у него закружилась голова.

— Закончил? — спросил Лян Шу.

— Нет. — Лю Сяньань поднял на него глаза. — У вас есть сладкие лепёшки? Я проголодался.

Лян Шу остолбенел: Как можно смотреть на ЭТО и хотеть есть?!

— У меня кружится голова, — объяснил Лю Сяньань.

— Тогда отдохни. Сними перчатки и переоденься. Я велю А-Нину принести еды.

Лю Сяньань кивнул. Когда ситуация не требовала спешки, он всё делал медленно. А сейчас, уставший и голодный, он двигался, словно в замедленной съёмке: снял перчатки, умылся, сменил одежду и пошатываясь поплёлся за князем.

— Только что ты стоял прямо, а теперь еле ноги волочишь? — поддержал его Лян Шу.

— Потому что сейчас в этом нет необходимости. — Жизнь Лю Сяньаня строилась на принципах «если надо — сделаю» и «если не надо — лучше не буду». Он зевнул. — К тому же, если бы я не собрался тогда, то мог бы рухнуть лицом прямо в... М-м?

Язык наткнулся на что-то сладкое.

— Князь, у вас есть сладости?

— Глотай, — буркнул Лян Шу.

Лю Сяньань с хрустом раздавил во рту арахис и грецкие орехи. Было вкусно.

— Я ношу это, что бы угощать лошадь, — добавил Лян Шу.

— Сюань Цзяо не ест сахар, — парировал Лю Сяньань.

— Тоже из книжки?

— Нет, я сам кормил её в дороге.

Лян Шу: «.....»

Когда он успел?!

<http://bllate.org/book/14628/1297857>